

Татьяна Щурова

«Утверждение театра»

Порой тему для публикации подсказывают посетители отдела искусств ОННБ. Например недавно, подбирая материалы о творчестве известных певиц начала XX века Надежды Плевицкой и Анастасии Вяльцевой, мы обратились к книге А. Кугеля «Театральные портреты». Вышла она в 1923 году, но до сих пор представляет интерес и, безусловно, является библиографической редкостью, впрочем, как и другие работы этого много одаренного человека.

Александр Рафаилович Кугель (1864-1928) – известный театральный критик прошлого века, создатель и бессменный редактор одного из самых долговечных театральных журналов («Театр и искусство», 1897-1918). Он был также организатором и художественным руководителем знаменитого питерского сатирического театра «Кривое зеркало» (1908-1918, 1922-1928). Юрист по образованию, он со студенческих лет «был отравлен театром», хотя признавался, что театр «самая соблазнительная, но и самая жестокая игрушка человека». Перед нами пример того, как человек, работая сначала в газете,

упорно, постепенно входил в непростую профессию театрального критика. Он писал потом: «Актер имеет радости настоящего, а печать создает ему и славу в потомстве. Театральный же критик не имеет настоящего, и наш долг по крайней мере отвоевать ему угол в истории».

Кугеля называли «певцом актера», признавали, что в его поле зрения попадало все значительное, и он умел своими тонкими и меткими наблюдениями раскрыть сложную пьесу и увидеть самую яркую краску в раскрытии сценического образа, не скрывая при этом и слабых сторон даже самых выдающихся актеров и актрис. Естественно, это нравилось не всем. Но и сегодня соглашаешься с мнением критика: «Талант – это собственная интонация, собственный жест, собственное отношение... Талантливый всегда будет оригинален, и даже впад в шаблон, даст свой собственный шаблон». Он умел это описать и в своих очерках о великих актрисах, своих современницах – Савиной, Ермоловой, Дузе, Бернар...

Создавая творческие портреты актеров-мужчин, он выбирал в каждой личности ярко индивидуальное и пронизательно оценивал масштаб таланта актера. Так было, например, с Василием Качаловым. Кугель, сложно относившийся к МХТ, понимал, что именно в театре Станиславского и Немировича-Данченко этот актер состоялся по-настоящему. Вообще, поражает широта теат-

ральных интересов критика и его заинтересованность в практической деятельности сценического искусства. Те, кто собирается посвятить себя профессии театрального критика, думается, найдут в его небольших, но емких очерках, мемуарных книжках, публикациях в журнале яркую картину русской и европейской сцены конца XIX – начала XX вв.

Идиллический рисунок характера и личности Александра Кугеля несколько нарушают воспоминания о нем известного историка театра Бориса Варнеке, опубликованные в научном сборнике «Театральная периодика в России (М., 2009)». Неожиданно весьма полемически этот именитый уважаемый ученый, хорошо известный в Одессе, оценил деятельность Кугеля во всех ее проявлениях. Изложены записки Варнеке в духе бульварной желтой прессы, преподнося читателям негативные человеческие моменты из жизни Кугеля и его семьи, а также его работы в журнале. Почему так? Вероятно, это была банальная зависть такого же «отравленного театром» человека, наблюдавшего с раздражением за успешно сложившейся журналистской карьерой, за выходом одной за другой книг своего товарища, от которого Варнеке зависел в те годы, получая гонорары в журнале «Театр и искусство».

А ведь у Кугеля еще был и свой театр «Кривое зеркало», который он организовал со своей супругой Зинаидой Холмской (1866-1926), талантливой актрисой и антрепренером. Задумано было создать «веселый, свободный от всякой театральной рутины, оригинальный театр гротеска и художественной пародии». Кугель стал его бессменным художественным руководителем. Он был хорошо знаком с варьете, кабаре, театрами фарса, бывал в кабачках Монмартра и Берлина, восхищался яркими актерскими талантами, много писал о звездах шансонье. Желая узнать о театре «Кривое зеркало» побольше советуем обратиться к книге Георгия Крыжицкого «Дороги театральные» (М., 1976). Этот театр не зря называли «лабораторией смеха». Художественная интеллигенция его приняла сразу, оценив хорошие пародии – один из главных козырей «Кривого зеркала». Завабно описывается очевидцами пародийный спектакль театра на «Ревизора» в постановке якобы театра режиссерской школы Станиславского, обыгрывалось увлечение МХТ натурализмом, а потом театром настроений. Доставалось и мистическим

постановкам в стиле Гордона Крэга и Макса Рейнгарта. Грандиозный успех выпал на долю спектакля «Вампука», необыкновенно смешно показавшего оперные штампы и театральную безвкусицу. Спектакль этот шел много лет, название его приобрело нарицательное обозначение сценической фальши. Видели его в свое время и одесситы. Театр «Кривое зеркало» прочно вошел в историю. Недавно друг ОННБ библиофил Анатолий Шойхет прислал нам из Израиля многотомное миниатюрное издание «Веселящийся Петербург»

Юрия Алянского (1921-2014). Автор успел издать шесть томов, включивших по алфавиту заведения «малых и легкого жанров» от А до М. «Кривое зеркало», к счастью, попало, и можно в этом источнике почерпнуть сведения о его истории, топографии, хронике.

Книжки Кугеля, безусловно, вошли в сокровищницу театральной публицистики не только потому, что они изданы в далекие 20-е годы. Лишь одна из них, «Театральные портреты», была переиздана в 1967 году, и ее тоже сейчас найти непросто. Не может забыться имя человека, так неистово любившего мир театра: «Театр – это прежде всего искусство о человеке, о внутреннем мире личности... Самое человеческое из искусств, и в этом вся его красота... Оно имеет дело только с человеком, ибо сама форма этого искусства, орудие его, инструмент есть человек... Человек как цель, человек как сущность, человек – материал, человек – идея, человек – содержание, человек – форма, – вот что такое театр».

Хотим познакомить вас с забавным фельетоном Кугеля «Дядюшка-Водевиль» из его сборника «Театральные рассказы» (М., 1926). Надеемся, он придется по вкусу одесситам, которые на протяжении всей своей истории были благосклонны к «легким» театральным жанрам.

Дядюшка-Водевиль

У дядюшки-Водевиля есть племянница, по имени Путаница. Путаница – миленькая маленькая особа в темно-зеленой бархатной шубке, с большой горностаевой муфтой. В милом старом водевиле, где все, по обыкновению, «съехались, перепутались, и разъехались», всегда и неизменно присутствует Путаница, душа водевиля. А водевиль – это «золотая театральная пыль», «фиалка в старой табакерке». Хочется взять миленькую маленькую Путаницу за руку и полететь с ней по городу. И всюду, куда бы мы с ней ни поступались, начиналась бы какая-нибудь забавная или трогательная, фантастическая или романтическая история, и сразу стало бы светло и тепло, и интересно. Маленькая Путаница в бархатной темно-зеленой шубке, с горностаевой муфточкой – это привкус, сказка нашей жизни. И непримирим антагонизм между позитивизмом нашей повседневности, ясным и широким, как столбовая дорога, и кокетливой, загадочной, пестрой, извилистой путаницей.

Я люблю Путаницу. Ее нельзя не любить, мне кажется. Вот в математике нет путаницы, но я никогда не был математиком. Жить без путаницы чрезвычайно скучно. Все ясно, последовательно, верно: после вторника среда, после среды четверг, дважды два четыре, кто богат да умен – два уголья в нем, вставать надо в 8 часов,

а лечиться в 12, пред обедом следует совершать моцион. В часовом механизме совершенно нет путаницы. Но и нет ничего безжалостнее времени и последовательного хода секунд.

Путаница ходит по городу и путает мысли. Она питает любовь, романтику, поэзию. Она порождает скачки жизни, очаровательность, хаотичность и бессистемность в круге порядка и системы. Ах, милая Путаница, шалунья с загадочными глазами, в темно-зеленой шубке, с горностаевой муфточкой!..

В театре, когда мы были молоды, мы увлекались путаницей, сложной извилистой интригой, неоткрытой тайной, прикровенной откровенностью!

Путаница – нет только племянница старого дядюшка-Водевиля, она в родстве со старой драмой, мелодрамой, трагедией. С замиранием сердца следишь за кривыми путями и закоулками, по которым бродит истина прежде, чем выбраться на свет и стать очевидностью. И представьте, что не было бы Путаницы? Не стало бы не только романтических пьес, но и реальных. Без путаницы – что был бы «Гамлет»? Что открывать пришлось бы ему в дебрях своей матери? И Отелло, не будь путаницы, не знал бы мук ревности, и Лир, кабы не путаница, сразу почуял бы Корделию. Все это путаница – своенравия, мнительности, ревности.

Вся иллюзия от путаницы, весь нас возвышающий обман. И так тяжело нам жить без путаницы, что и до сих пор, несмотря на все завоевания позитивизма, сохранился обычай в морозную снежную рождественскую ночь сидеть у камелька и слушать запутанные истории и сказки о том, чего не бывает, чего никогда не бывает, о сугробах снега, который намела вьюга, и о кучах небылиц, что намечает путаница. Загадочные, кособокие, кривые, запутанные пути мысли и логики – называются фантазией, а если угодно, поэзией, а коли хотите правду знать, то и искусством.

Старый дядюшка-Водевиль был бы совершенно беспомощен, если бы не Путаница в темно-зеленой шубке и с горностаевой муфтой, которая путает, путает, путает. Если б А не приня-

ли за Б – что стал бы делать дядюшка-Водевиль? Зачем А и принимать-то за Б в действительности? Нет никакой нужды! Но вы понимаете, что жизнь стала бы непроходимо скучной, если бы А всегда казался именно тем, что он есть.

* * *

В маленьком театре – не все ли вам равно в каком и где – давали старый-престарый водевиль «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло», или, иначе, «Жано и Жанета». Пришел я в театр без всякого намерения увидеть что-нибудь занятное. В ожидании поднятия занавеса даже зевнул несколько раз – так сказать, а priori. Когда заиграла Жанета, а потом заиграл Жано – оба сии показались мне достаточно посредственными. И, тем не менее, по мере того, как шел водевиль, как он развивался, я, к великому своему изумлению, все больше приходил в благодушное настроение, одобрительно кивал головой и приятно улыбался. Я должен был сознаться – себе самому, как на духу, – что провел занимательно полчаса, и что как будто посвежел, – вот тут, в этом почти сарае, где люди сидели в шубах и шапках и тяжело дышали капустой и грибами. Все это наивное представление доставило истинное удовольствие. И чем яснее было, что актриса притворяется Жанетой, а актер – Жано, и не особенно старательно притворяются, – тем это было, в сущности, приятнее.

Крестьянка Жанета, в шелковой короткой юбке под мрамор, в кокетливом батистовом чепце и бархатном вырезном корсаже – разумеется, не подлинная крестьянка. Жано в широчайших воротничках, в синевато-сером фраке с отворотами – тоже не крестьянин. И куплеты, которыми они сопровождали все самые любопытные моменты своей короткой истории, – в жизни также не поются. И вообще, так скоро, как в водевиле, ничто не совершается. И совершеннейшая чепуха, чтобы в течение двадцати минут Жанета влюбилась в Жано – раз, приревновала его – два, из работницы стала хозяйкой дома – три, отказалась от наследства – четыре, притворно взяла его – пять, разыграла роль хозяйки – шесть, и вышла за Жано – семь. Точно так же и Жано не мог все это пережить и проделать в мгновение ока. Да еще зажарить утку, да еще разбить тарелку, да еще приревновать к кому-то третьему, да еще танцевать. И совершенно невероятная чепуха, что умница Жанета – дура, а глупая Жанета – умница. И, несмотря на то, что я не верю ничему тому, что здесь рассказывается, я верю и радуюсь представлению. Мне смешно и забавно, что это анекдот, в котором только жизненная сущность – правдива, а изложение невероятно ни по форме, ни по подробностям.

Наивная прелесть мечты – вот очарование старого дядюшки-Водевила. Блаженная мечта буколической жизни

охватывает вас, когда Жано поет куплеты с Жанетой. Это хорошо, потому что отсеяны плевелы от трав, отруби от умолота, потому что суровая, грязновато-серая жизнь освобождена от всей ее грубости, и показано только самое блаженное, идиллическое и доброе, что в ней есть, потому что злу не дают торжествовать даже ни одной минуты, потому что всякому горю – и не только горю, а призраку горя – и Жано, и Жанета высовывают языки, и вы, вообще, не верите и не хотите верить в возможность зла, горя, болезней.

Здесь слезы – намеки на слезы. Здесь бедность ходит в атласных башмачках и шелковых юбках. Здесь нет недоедающих, сплевывающих, потных и грубых мужиков, а одни пейзажи, очаровательные и воздушные. Хотите верить, хотите – нет, это ваше дело, но у Жано с Жанетой пойдет так, как изложено.

Мне приятен вид Жанеты в шелковой юбке и бархатном корсаже. Мне приятно даже то, что она явно играет, явно притворяется; что я не верю ей, что я отлично понимаю, какую она рассказывает мне сказку, – понимаю и говорю: продолжай, Жанета, рассказывать сказки, продолжай в шелковой юбке и бархатном корсаже обманывать меня, говоря, что ты крестьянка, хотя я знаю, что ты принцесса или очень, очень важная дама. Но эта буколическая мина тебе к лицу; она пикантна, она мила...

Мечта, как сказка, должна быть наивна, проста, обращена к природе, к примитиву. Я хочу быть совсем наивен, быть, как дитя. Моя мечта, как Жанета – простая крестьянка, а не сверхженщина, Только юбка на ней шелковая, да башмачки атласные – вот все, что я дал ей от своего богатства.

Жанета топчет маленькими ножками в атласных башмачках, но я гляжу вверх, в бездонное синее небо. Мне кажется, что чья-то родная теплая рука расчесывает мои кудри, гладит по голове, что я подыму глаза и увижу дорогие материнские глаза, полные любви и ласковой нежности... И вот

я ребенок, я снова живу сладкою жизнью пробуждающейся весны. И сиди-на исчезла, и ум забыл свои холодные наблюдения, и сердце освобождено от горестных замет... Сказка баюкает, как волна! Где-то плещутся молочные реки о кисельные берега...

«Слушай, Симплициссимус, слушай, простак из простаков! Счастье в забвении жизни и возврате детства!»

Когда мы перестаем быть профессионалами и отдаемся потоку чувств – нас охватывает старый ласковый водевиль, как дыхание весны. Жано любит Жанету, хотя она глупа... Потому, что она глупа.

